

СОЛЬ ЗЕМЛИ.

К вопросу о причинах трагедии русского православия в XX в.

[Зайцев Алексей](#)

Вы - соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям (Мф. 5, 13).

Ибо время начаться суду с дома Божия (1 Пет. 4, 17)

Возрождение Русской Церкви после семидесятилетнего атеистического плена и связываемое с ним грядущее возрождение Российской державы - одна из центральных тем православной публицистики в последние полтора десятка лет. Аналогии между положением Церкви в советский период и Вавилонским пленением ветхозаветных иудеев стали общим местом... Но "Вавилон" пал, Церковь политически свободна, храмы и монастыри открыты, новомученики прославлены... А Россию по-прежнему лихорадит. И пока трудно с определенностью сказать, что это - предсмертная агония или же муки нового рождения: предчувствия высказываются самые разные - от грядущего небывалого торжества возрожденного Отечества до его конечного падения.

Однако можно ли правильно сориентироваться в настоящем и тем более пытаться судить о будущем, если нет ясного видения прошлого? - Этот привычный вопрос фактически остается без внимания. О причинах русской катастрофы XX в. в современной церковной литературе так по существу ничего и не сказано. Видимо, потому за общими разговорами о возрождении православной России так и не ясно, что именно из дореволюционного прошлого необходимо возрождать, в каких именно формах и каким именно образом.

Различные религиозно-идеологические концепции, которые пытаются объяснить всё и вся исключительно вмешательством внешних темных сил, при этом априорно разделяя всех участников русской истории на "соблазнитель" и "соблазненных", слишком поверхностны и однобоки, чтобы ими удовлетвориться. К тому же такой подход к истории будто бы игнорирует Промысл Божий, которым даже злая демоническая воля используется во благо, как горькое лекарство^[1] ("если бы не было бесов, никто бы не спасся", - сказал преп. Исаия Отшельник).

Так почему же Россия дала себя соблазнить? Как же все-таки получилось, что она, веками созидаемая как православная держава, рухнула в одночасье?

М. А. Новоселов^[2] (1864-1938?), один из непосредственных очевидцев русской трагедии XX в., дал ответ на этот вопрос, как говорится, по горячему следу, когда триумф новой безбожной власти еще казался большинству верующих каким-то наваждением, какой-то случайной напастью, которая должна вот-вот пройти, словно кошмарный сон. Они недоумевали: "Как можно терпеть, чтобы величайшие святыни наши были захвачены руками ярых богоборцев? Кремль, наша древнерусская святыня? Святые останки великих праведников, наших предстателей пред Богом? Священные сосуды, с которыми соединены величайшие священнодействия? Допустимо ли, чтобы храмы обращались в театры и алтари - в уборные для артистов? Не говорим уже о разнообразных унижениях и

издевательствах, которым беспрестанно подвергаются наши священнослужители. О кощунственной ругани, которая постоянно раздается на страницах богоборных газет столичных и провинциальных. О насилиях, повсюду творимых над совестью и личностью верующих <...> И до каких пор и пределов мы будем терпеть это торжествующее, смеющееся в глаза, хамское, чтобы не сказать - сатанинское, нечестие, оскорбляющее самые заветные, самые святые наши чувства? И, наконец, за что и зачем допущен этот ужас на нашей дорогой святой Руси?" [3].

Отвечая на эти горькие вопрошания, Новоселов написал: "*Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся* - вот разгадка тяготящих нас эти годы событий и ответ на связанные с ними недоуменные вопросы" [4]. Богохульства революционных лет, полагал Новоселов, - это всего лишь естественное следствие всеобщего духовного недуга. "Россия давно начала внутренне отпадать от Церкви: что же удивительного, если государство отвергло, *отделило* церковь и, по естественному и Божескому закону, подвергло ее гонению?" [5].

Это - жесткий ответ, который нелегко принять. Однако Новоселов не был голословен. Свои выводы он подкрепил суждениями русских святых [6], предупреждавших о близящейся катастрофе еще тогда, когда, как казалось большинству, ничто не давало сколько-нибудь серьезных поводов для беспокойства и тревоги. Россия росла и укреплялась. Русская Церковь выглядела незыблемым монолитом - и обилие монастырей и храмов, и миллионы верующих, и широкая благотворительная деятельность, и отлаженная система духовного образования, и блестящая церковная наука - все, казалось бы, свидетельствовало об этом. Но за всем этим блеском и величием обостренному зрению святых тайновидцев виделись признаки сильно запущенной болезни...

И если сделанные Новоселовым выводы верны, и дореволюционная Россия действительно, несмотря на всю свою внешнюю церковность, оказалась в состоянии внутреннего отпадения от Церкви, и русское православие действительно было подвергнуто гонению *по естественному и Божескому закону*, то решать вопрос о том, что и как нужно возрождать в новой России, вдохновляясь одной лишь ностальгией по России старой, по крайней мере неосторожно. Годится ли в качестве основания нового здания то, на чем не устояло здание ветхое?

Этот небольшой очерк не задумывался как исчерпывающий и однозначный ответ на вопрос о причинах трагедии русского православия в XX в. Задача его более скромная - еще раз прислушаться к голосу наиболее чутких и духовно зрячих людей, к голосу тех, которые в своих суждениях, как мы верим, были напутствуемы голосом Божиим, и потому высказывали то, что совсем неочевидно для ослепленного мира. Мы приводим лишь некоторые наиболее яркие свидетельства русских святых XIX - начала XX вв. Без учета этих свидетельств исторический урок, который минувший век преподал Русской Церкви и русскому государству, так и останется неусвоенным.

+ + +

В 1831 г. в беседе с Н. А. Мотовиловым преподобный Серафим Саровский говорил о том, что в России в связи со всеобщим духовным охлаждением понимание самого смысла

христианства было уже почти повсеместно утрачено. Истинная цель христианской жизни - стяжание Святого Духа - не только не осуществлялась на деле[7], но и была предана забвению[8]. "Мы в настоящее время <...> по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действию Его Божественного о нас Промысла и общению человека с Богом до того дошли, что можно сказать почти вовсе удалились от истинно христианской жизни"[9]. Удалились настолько, что приведенные в Священном Писании факты, говорящие о непосредственном явлении Бога людям, стали восприниматься как что-то очень странное. "Вот, - продолжает преп. Серафим, - некоторые и говорят: "Эти места непонятны. Неужели люди так очевидно могли видеть Бога?" А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание от того, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопонятным то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным"[10].

Святитель Филарет Московский, будучи всегда очень сдержан и осторожен в суждениях, только в редких случаях открывал свои сокровенные помышления людям, к которым имел доверие. Из немногих замечаний Святителя, касающихся состояния Российской Церкви, можно сделать вывод, что он был далек от какой-либо ее идеализации - повода благодушествовать он не находил. Напротив, высказывания св. Филарета проникнуты тревожными предчувствиями грядущего крушения. Причем тревога эта связывается не с какой-то внешней силой, которая бы представляла для русского православия опасность извне, но именно с внутренним состоянием самой Российской Церкви и прежде всего ее иерархии. "Как время наше походит на последнее! - пишет он своему викарию. - Соль обуявает. Камни святилища падают в грязь на улицу[11]. С горем и страхом смотрю я в нынешнюю бытность мою в Синоде на изобилие людей, заслуживающих лишения сана"[12]. В другом месте св. Филарет усиливает свою мысль: "Видно, грехи наши велицы пред Богом. Не от дома ли Божия начинается суд?[13] Не пора ли от служащих в доме сем начаться покаянию?"[14].

Но покаяния нет, и это усугубляет и без того бедственное положение, делает его практически безвыходным. Всего больше пугает, что никто даже не хочет видеть нависшей над Российской Церковью угрозы. "Вообще дни сии кажутся мне днями искушений, - признается св. Филарет тому же еп. Иннокентию, - и я боюсь еще искушений впереди, потому что люди не хотят видеть искушений окружающих и ходят между ними, как будто в безопасности"[15].

Наиболее полная картина духовного состояния Российской Церкви - ее иерархии, духовенства, монашества, церковного народа в целом - представлена в сочинениях, особенно в письмах, святителя Игнатия (Брянчанинова). Оценки, данные им этому состоянию, звучат как грозные пророчества о неминуемой в случае бездействия катастрофе. "Судя по духу времени и по брожению умов, - пишет св. Игнатий, - должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостать. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ее, нежели остановят"[16].

Близящееся падение здания Церкви св. Игнатий объясняет прежде всего крайним оскудением истинных христиан - причастников благодати Святого Духа [17]. Дух Божий, удерживающий мир от распада, не находит на земле чистых сосудов для вселения, и мир начинает разрушаться. "Время страшное! Решительно оскудели живые органы Божественной благодати" [18]. Их практически нет уже среди российского епископата: "В высших пастырях ея (Церкви - А. З.) осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква" [19]. Живые носители благодати до крайности умалились и в среде российского монашества. Без благодатного руководства монастыри из пристаней спасения превратились, по большей части, в пучины гибели, "в пропасти безнравственности и нечестия" [20]. Вместо благодатных руководителей, "в облачении их явились волки: обманывают и губят овец. Это понять необходимо, но понимают немногие" [21].

Крайне бедственное в духовном отношении состояние монастырей служит, как считает св. Игнатий, вернейшим признаком их скорого разрушения. "С внутренним оскудением и падением монашества неизбежны удары по монастырям извне" [22]. И хотя на первый взгляд положение монашества может показаться самым благополучным, однако за этим внешним благополучием скрываются признаки упадка и разложения. Составляя представления о современном монашестве, нужно руководствоваться не плотским мудрованием, а духовным разумом. "Мнение разгоряченное слепцов, которые все видят в цветущем виде, не должно иметь никакого веса" [23]. Действительное положение монастырей "подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода: она съест этот снег при первой вспомогательной атмосферической перемене. Важная примета кончины монашества - повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностью напоказ. Весьма часто актерской наружностью маскируется страшная безнравственность. Истинным монахам нет житья в монастырях от монахов актеров. За такое жительство, чуждое внутреннего делания, сего единого средства к общению с Богом, человеки делаются непотребными для Бога, как Бог объявил допотопным прогрессистам" [24].

Незадолго до своей кончины святитель Игнатий (Брянчанинов) оценивал состояние современных ему российских монастырей еще более сурово: "У нас монастыри в крайнем упадке. Повторяем: они извращены. Вступают в них личности почти исключительно из черни, занимаются они исключительно телесным подвигом, почти всегда бесплодно или с плодами ложными, приняв средство и пособие за цель и сущность. Но и телесный подвиг сделался ныне редкостью: ныне монастыри обратились в пристанища разврата [25], местами открытого, местами прикрываемого лицедейством, в места ссылки, в места лихоимства и прочего разнообразного злоупотребления. Такими сделала их каста, смотрящая на них, как на свои аренды, ненавидящая и презирающая их, испражняющаяся в них одними своими испрадиями, нетерпимыми в среде мира по причине необузданного разврата этих исчадий" [26].

Однако не следует рассматривать упадок монашества изолированно от общего духовно-нравственного упадка, в котором пребывает русский народ в целом. Оскудение монашества, "являющегося барометром по отношению ко всему христианскому

обществу"[27], необходимо связывать со всеобщим охлаждением к вере и повсеместным усилением безнравственности. "Печально - современное религиозное и нравственное направление народа"[28], - признается св. Игнатий. "...Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ, и все страны, в которых доселе держалось Православие"[29]. "Очевидно, что отступление от веры православной всеобщее в нашем народе. Кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индеферентист, кто раскольник. Этой язве нет ни врачевания, ни исцеления"[30].

Это отступление от подлинно христианских начал примечал св. Игнатий и в духовных учебных заведениях Российской Церкви. По его свидетельству, в академиях, семинариях и духовных училищах христианство преподается только по букве, мертвящей и убивающей, и потому из недр их выпускаются одни только, за редчайшими исключениями, духовные мертвецы. В одном из писем он с горькой иронией замечает: "Сбывается слово Христово: в последние времена обрящет ли Сын Божий веру на земли! Науки есть, академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия (право - смех, да и только); эти степени даются людям. К получению такой степени много может содействовать чья-нибудь б... Случись с этим "богословом" какая напасть - и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не был ли, подобная мифологической! Какого света ожидать от этой тьмы!"[31].

Впрочем, святитель Игнатий, конечно же, не был фаталистом. Он не терял надежды, что еще не поздно предпринять меры по исправлению этого бедственного положения. Но эти меры должны быть решительны и бескомпромиссны. Для их осуществления нужно руководствоваться не человеческими измышлениями по стихиям мира сего, а благодатным разумом Церкви - ее Писанием и Преданием. В последние годы своей жизни Святитель составляет записки "О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви", в которых перечисляет средства, "существенно нужные" для врачевания внутрицерковных болезней.

Однако, говоря о необходимости Собора, св. Игнатий понимал, что само по себе это предприятие еще ничего не решает, более того, может даже и значительно ухудшить и без того плачевное положение. "Необходим Собор правильный, - писал он, - на всех правах прежних Соборов, а Собор самочинный, по собственному усмотрению лица или лиц, руководствующихся не правилами Церкви, а своею самостию, только повредит делу, еще более поколеблет Церковь Всероссийскую, - положение Ее сделает еще более запутанным"[32].

Поэтому, полагал св. Игнатий, прежде всего необходимо четко определить сами цели Собора, - они должны отвечать подлинно церковным, а не кастовым интересам. При этом "Собор должен пользоваться полною свободой"[33]. На Соборе должна быть представлена вся церковная полнота, - кроме епископов ("или лично или через поверенных своих") на нем "должны быть депутаты: 1) от монастырского монашества русского, по избранию этого монашества; 2) от белого духовенства русского, по избранию этого духовенства; 3) от православных мирян, по избранию мирян. Примерно каждая Епархия должна избрать по два депутата из каждого разряда, всего каждая Епархия должна дать по шести депутатов"[34].

Среди наиболее важных предметов, которые Собор должен рассмотреть, св. Игнатий называет следующие.

1) Пересмотр всех постановлений, которые Российская Церковь приняла за последние два столетия, и отмена тех из них, которые противоречат евангельскому духу и нормам Православия^[35].

2) Восстановление древнейшего обычая Церкви: "Епархия да избирает для себя архиерея, а приход иерея, диакона и причетника, свидетельствуя о их благочестии"^[36].

3) Введение прещений для духовенства, установленных апостолами и св. отцами: "Ввести отлучения и извержения, то есть лишение духовного сана и исключение из духовенства, которого ныне так избегают под предлогом народного соблазна. Но извержение необходимо для очищения Церкви от недостойных служителей..."^[37]. Кроме того, "необходимо для всего духовенства устранение от спекуляций и всех происков к обогащению, необходимо отречение от всех суетных почестей, необходимо удаление от роскоши, необходима скромность, а для монахов необходимо нестяжание"^[38].

4) "Восстановление в монастырях уставов и правил святых Отцов <...> причем необходимо устранение из монастырей всего, введенного плотским мудрованием"^[39].

5) Пересмотр и исправление Исповеданий веры и богословских учебных пособий, написанных в последние два столетия: "Пересмотреть катехизисы и богословие и пополнить, дав им характер православно-восточный, подобный характеру богослужения Православной Церкви"^[40].

6) Проведение реформы духовного образования: "Составить устав для духовных учебных заведений, применительно к уставу монастырей, чтоб жизнь воспитанников была практически и строго христианская, чтоб они приобретали твердые навыки в благочестии"^[41].

С суждениями святых Филарета и Игнатия о духовном состоянии России XIX в. перекликаются и высказывания еще одного русского святителя, их младшего современника епископа Феофана Затворника. "Вот мы часто хвалим себя: святая Русь, православная Русь, - пишет он. - О когда бы навсегда остаться нам святыми и православными, - по крайней мере любящими святость и православие! - Какой верный залог несокрушимости имели б мы в титлах сих! Но осмотритесь кругом! Скорбно не одно разращение нравов, но и отступничество от образа исповедания, предписываемого Православием"^[42].

Св. Феофан сравнивает Россию с евангельскими Капернаумом, Вифсаидой и Хоразинном, жители которых, несмотря на обилие явленных им свыше великих знамений, так и не обратились к Богу и не стали Его верными служителями. "Господь, - пишет Святитель, - много знамений показал в Капернауме, Вифсаиде и Хоразине; между тем число уверовавших не соответствовало силе знамений. Потому-то Он строго и обличил эти города и присудил, что в день суда отраднее будет Тиру и Сидону, Содому и Гоморре, нежели городам тем. По этому образцу надо нам судить и о себе. Сколько знамений показал Господь над Россиею, избавляя ее от врагов сильнейших и покоряя ей народы!

Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения, - в святых мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России! И, однако ж, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры"[\[43\]](#).

Умножающееся зло, ослабление в народе православной веры, людская нераскаянность - все это вызывает в душе святителя Феофана Затворника скорбные предчувствия неизбежного суда Божия: "Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образумимся?.. Господи! спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и надлежащего прещения!"[\[44\]](#).

Антихристианский дух мира сего, по свидетельству св. Феофана, пронизывает все слои российского общества, он начинает овладевать людьми уже со школьной скамьи. При таком положении христианство в России может окончательно иссякнуть. "В школьное воспитание <у нас>, - замечает Святитель, - допущены нехристианские начала, которые портят юношество; в общество вошли нехристианские обычаи, которые развращают его по выходе из школы. И не дивно, что если, по Слову Божию, и всегда мало избранных, то в наше время оказывается их еще меньше: таков уж дух века противохристианский! Что дальше будет? Если не изменят у нас образа воспитания и обычаев общества, то будет все больше и больше слабеть истинное христианство, а наконец и совсем кончится; останется только имя христианское, а духа христианского не будет. Все преисполнит дух мира"[\[45\]](#).

Охлаждение в вере сначала приводит к полному равнодушию, а затем обращается в лютую неприязнь к христианству. В царящей повсюду духовной холодности, до времени лицемерно скрываемой, св. Феофан провидит источник будущих гонений на Церковь. Сами бывшие христиане обратятся в гонителей христианства: "Кто вдохнет в себя духа мира, тот становится холодным к христианству и его требованиям. Равнодушие это переходит в неприязнь, когда долго в нем остаются, не опаматываясь, и когда при этом захватят откуда-либо частицу превратных учений. Дух мира с превратными учениями есть дух неприязненный Христу: он есть антихристов; расширение его есть расширение враждебных отношений к христианскому исповеданию и христианским порядкам жизни"[\[46\]](#). Антихристов дух, уже поселившийся в духовно запустевшей России, только ждет своего часа, когда его носителям будет попущено бороться с христианством открыто и беспощадно. "Кажется, вокруг нас деется что-то подобное, - свидетельствует св. Феофан. - Пока ходит повсюду только глухое рыкание; но не дивно, что скоро начнется и прореченное Господом: *возложат на вы руки... и ижденут... предани будете... и умертвят вас* (Лк. 21, 12-16). Дух антихристовский всегда один: что было вначале, то будет и теперь, в другой, может быть, форме, но в том же значении"[\[47\]](#).

Будущее ниспровержение Российской Церкви готовится при полном безразличии самих церковных пастырей, при их непосредственном попустительстве: "Того и гляди, что вера испарится... Попы всюду спят... Через поколение, много через два иссякнет наше православие"[\[48\]](#). - Это предречение святителя Феофана Затворника в точности сбылось - через двадцать пять лет после его кончины Россия была повержена антихристианской революцией.

Грядущие потрясения, обусловленные внутренним отпадением России от православия, предрекал и преподобный Амвросий Оптинский. Давая толкование одному

знаменательному, как он считал, сну, св. Амвросий характеризует современное ему положение Российской Церкви как предзакатное. В письме обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому он поясняет предложенный на его рассмотрение сон следующим образом: "Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится; а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества, превосходящего делами своими древнее язычество, всюду распространяется, всюду проникает. Истину эту подтверждают слышанные слова: "мы переживаем страшное время". Живой святитель и покойный протоиерей в облачении молящиеся вместе пред иконою Божией Матери, дают разуметь, что и прочее виденное духовенство было двоякое. Видно, достойные пастыри, живые и отшедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви, умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она всевышний Покров Свой над бедствующей Церковью нашею, и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющих благое произволение ко спасению. Оба стоящие у входа в пещеру, которые дрожали от страха и войти не смели, может быть, означают людей с живым участием и со скорбью и даже со страхом взирающих на печальные события настоящего времени, в отношении веры и нравственности, но не прибегающих к Царице Небесной и не молящихся Ей о покрове и помощи, подобно молившимся в пещере. Слова "мы доживаем седьмое лето" могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верные чада Единой Святой Церкви должны будут укрываться в пещерах, и только всеильные молитвы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследований слуг антихриста. Настоящему времени особенно приличны апостольские слова: *дети, последняя година есть, и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша: от сего разумеем яко последний час есть* (2 Ин. 2, 18)"[49].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский, очевидец первой русской революции 1905-1907 гг., со скорбью взирал, как Россия словно попирала данный ей от Бога дар православной веры. "Талант вселенского Православия, - говорит св. Иоанн, - мы приняли от Бога для славы Божией и нашего спасения. Как мы этот талант употребляем и умножаем? Как благодарим Господа? Каково наше покаяние? Какие добрые дела творим? *Нет делающего добро, нет ни одного. Все уклонились и сделались непотребными* (Пс. 13, 1-3). Не относятся ли эти слова Писания к нам?" [50].

Как набат звучат предсмертные дневниковые записи св. Иоанна: "Молись Богу с кровавыми слезами о общем безверии и развращении России"[51]. Маловерие, неверие или потворство ему пронизало все слои русского общества - саму императорскую власть, министров, чиновников, офицеров[52], высшую церковную иерархию[53], профессоров академий, университетов и всех высших, средних и низших заведений вместе с их учениками[54].

Св. Иоанн видел, что хаос и смятение, царящие в душах русских людей, уже выплескиваются наружу и вот-вот охватят всё и вся: "Люди в смятении, стихии в смятении, воздух, вода, земля, огонь в смятении - по грехам людей стихии сжигаемые разорятся, земля и все еже на ней сгорят. Грехи умножились до края. Нет больше возможности жить спокойно. Церковь Божия, Невеста Христова, - украшайся, чтобы предстать светло Жениху Твоему прекрасному, нетленному, вечному"[55].

Преподобный Варсонофий Оптинский, еще один современник событий первой русской революции, также прямо предупреждал о близкой катастрофе, которая постигнет разлагающуюся изнутри Россию. Причину разворачивающейся трагедии он, как и другие русские святые тайновидцы, усматривал прежде всего в бедственном духовном состоянии самой Российской Церкви, в недрах которой воспитываются самые циничные безбожники. "Смотрите, - говорил он своему келейнику, в будущем последнему Оптинскому старцу преп. Никону (Беляеву), - в семинариях духовных и академиях какое неверие - нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка без чувства и смысла. Революция в России произошла из семинарии" [\[56\]](#).

Несколько ярких иллюстраций к словам преп. Варсонофия мы находим в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова) "О монашестве". Рассказывая о своем назначении инспектором в Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1911 г., он приводит следующие подробности: "Я же, по вступлении в должность, захотел вывести два обычая: чтобы не курили в спальнях и не требовали справок от инспектора, - какие кому баллы поставлены в этот день спрошенным... Казалось бы, будто я не плохо желал учащимся: от табака к утру воздух был отвратительный, и, конечно, нездоровый; а баллы в пятницу, все равно, выставлялись им в особых книжечках <...> Семинаристы, помня строгого отца Корнилия (прежнего инспектора семинарии - А. З.), посчитали: мол, тот наказывал нас бичами; а этот - хочет, ничего не видя, наказывать нас скорпионами (3 Цар. 12, 11). И устроили бунт. Утром я обходил спальни и увидел следы его: ручки из дверей были вывернуты; лампадки разбиты; все прокурено <...> На обеде семинаристы устроили мне демонстрацию: кричали, свистели, мычали, блеяли. Остановить их я не мог..." [\[57\]](#).

Характерно, что такое поведение семинаристов никем кроме самого митр. Вениамина не было воспринято как чрезвычайное. "На следующий день ректор и я пошли с докладом к митрополиту Антонию [\[58\]](#). Он согласился с решением совета (никого из виновников бунта не наказывать - А. З.); и прибавил: "Отец Вениамин! Примите мой совет на всю вашу жизнь: никогда не обращайтесь внимания на мелочи (! - А. З.)" [\[59\]](#).

Здесь поражает не только сам бунт семинаристов, но и, в еще большей мере, столь "благодушная" реакция на него правящего архиерея: в описываемое время подобное поведение воспитанников духовных школ было едва ли не нормой.

"Но скоро меня ждал другой бунт, - продолжает свои воспоминания митр. Вениамин... - Через четыре месяца я был переведен в Таврическую семинарию ректором. Был годичный акт 30 января ст. ст.: престольный праздник Трех Святителей. В этот день семинаристы устраивали вечером танцы с "епархиалками" (т. е. воспитанницами Епархиального училища - А. З.). Я бы не противился этому <...> Но зал был прежде церковью; и на стене бывшего алтаря оставались иконы, впереди выступал амвон <...> Об этом "новшестве" (отмене танцев - А. З.) было объявлено ранее. И семинаристы - ни один - не пришли на акт. А вечером, в квартиру мою, была прислана делегация, которая мне категорически заявила: в следующее воскресенье устройте здесь танцы; иначе будет бунт! Я заявил им: такого ультиматума невозможно ставить! Самое большее: я попрошу начальницу Епархиального училища разрешить танцы там. Но "делегация" не согласилась. И опять началось знакомое..." [\[60\]](#).

Революция застала митр. Вениамина ректором уже Тверской семинарии. "Здесь бунта не было. Но семинаристы пользовались всяким случаем, чтобы устроить демонстрацию. Например, взяли на Кавказе у турок город Эрзерум или Карс: требуют "патриотической" демонстрации... Отказываем. Срывают уроки: и где же остановить стадо в восемьсот человек?! Идем по улице и поем "Боже, царя храни!" <...> Идем и поем... И я - увы! - с ними... Пою... Рядом со мной идет гимназист, лет шестнадцати. И говорит мне насмешливо: "А-а! Запел?!" И это все - мелочи? - Увы, нет!"[61]. И митр. Вениамин с горечью заключает: "Скоро отнимут у нас и здания семинарии... И церковь... Вот уж *ультиматумов* не поставишь..."[62].

Всматриваясь уже по прошествии многих лет в дореволюционное прошлое, митр. Вениамин приходит к выводу, что главными виновниками гонений на Русскую Церковь были в конечном счете сами ее представители: и "самовластные епископы" ("наделенные безграничной властью они не знают себе границ..."[63]), и не ведающие монашеского делания монахи ("монах исполнял богослужебный устав, соблюдал посты, исполнял "послушания", расширял постройки, и этим удовлетворялся <...> А иные... еще более ослабели..."[64]), и неверующие профессора богословия ("Стали ли светом наши "духовные" школы? А профессора? Ученые? Кое-где светлелись звездочки; но в общем это были неверующие"[65])... Кого же винить?! И митр. Вениамин признается: революция принесла "наказание Божие на нас... И справедливо! Таковы ли должны быть *преемники апостолов*?"[66].

Но даже и после всего случившегося осознания праведности постигшего русское православие суда Божия так и не произошло[67]: "Что же? Увидели ли мы *свои грехи*? Наступило ли покаяние, - в глубоком и широком смысле этого слова? <...> Увы, нет!"[68].

Наконец, обратимся к оценкам, данным дореволюционному состоянию русского православия автором книги "Тайна Царствия Божия", которая, по всей видимости, была дописана по следам событий, последовавших за переворотом 1917 г. Причину начавшихся тогда гонений на Русскую Церковь он видит в ней самой, прежде всего, в ее духовенстве и монашестве.

Православное монашество, которое призвано быть *духовной солью*, удерживающей истлевающий мир от окончательного гниения, уже давно, как свидетельствует автор книги, изменило своему призванию. "Монастыри - эти хранители *умного света* - разрушились, потому что само монашество разрушило основу монастырей: оставило *умное делание*. Оставление *умного делания* и увлечение монастырей в последних временах стяжанием внешнего довольства и славы, увлечение внешним благочинием и пышностью - было тяжким грехом и дерзким нарушением данных монашеством обетов. Долготерпение Божие не потерпело попутелей обетов и предало их грозному суду: монастыри разрушены и монашество упразднено"[69].

Одно внешнее монастырское благочиние, не сопряженное с внутренним подвигом очищения ума и сердца, рано или поздно вырождается в фарисейство и лицемерие, которыми гнушается Господь. Монашество начинает разлагаться изнутри - животворящий Дух Божий не может уже обитать в его среде. И в конце концов внутреннее разложение монашества неизбежно приводит и к внешнему разрушению

монастырей. "Умное житие было корнями духовного бытия монашества, было его душой. Когда корни были подрезаны - и дерево монашества увяло, умерло. С потерей внутреннего недолго продержалось и внешнее - разлетелось, как прах, разметаемый ветром"[70].

Но и после крушения монастырей лишь очень немногие осознали, что подлинная трагедия монашества произошла намного раньше и что заключается она именно в отвержении умного ангельского делания, которое одно только и составляет всю сущность монашеской жизни и без которого монашество теряет свой смысл и само право на существование. "Хотя остатки монашества еще сохранились, но умной молитвы в монашестве не стало давно. И бедная окраденная душа монашеская все еще держится за черную рясу, за четочки, за пятисотку, за монашеский ангельский образ, утратив при этом умное ангельское делание, умное внимание к помыслам"[71].

По мере забвения в христианском мире духовного делания истинное богопознание стало подменяться его суррогатом - научным богословием, богословием по букве, которое не только не способно приблизить человека к Богу, но и убивает всех, кто самонадеянно и дерзко, без внутреннего предпочтения, приступает к его изучению. "Одно книжное никодимовское богословие, без жития по Божию слову - пустоцвет, тело без души, труп. И притом труп, исполненный трупного яда и отравляющий всякого, кто прикасается к нему неосторожно. Богословское ведение без духовного жития - смертоносно, убийственно для души. Дух - животворит, а буква - отравляет, мертвит, убивает (2 Кор. 3, б) <...> Да и все, прикасавшиеся к книжному богословию (в семинариях и академиях) без жития по Богу, на протяжении веков гибли, за исключением весьма редких счастливых, мудро ограждавших себя житием духовным"[72].

Главной причиной забвения духовного делания в христианской среде стало миролюбие. Подвиг умного делания невозможен без отречения от мира, без внутреннего разрыва с ним. Умное делание есть взыскание Божественной жизни. Миролюбие - напротив, отвержение ее. Именуящие себя учениками Христовыми миролюбцы - "это скрытые, внутренние враги христианства; своим гордостным, плотолюбным житием они отрицают Бытие Божие"[73]. Подвижники умного делания, взыскующие Божественной жизни, становятся для них ненавистны. И в этой ненависти обнаруживается тайна беззакония, прикрытая рясой благочестия[74]. Эта еще не всеми примеченная ненависть лицемерных предстоятелей престола к истинно христианскому житию служит верным свидетельством, что "для христианства и для монашества, как носителя тайны Христовой, наступила ночь Гефсимании: Иуда руководит темной и злой массой, ученик Христов является зачинщиком богоубийства. Сей евангельский образ служит страшным знаменем, грозным пророчеством о наших днях"[75].

+ + +

В свое время голоса русских святителей Филарета, Игнатия и Феофана были заглушены шумом псевдоцерковного официоза. Их страшные речения показались бы большинству представителей иерархии, духовенства, монашества неоправданно пессимистичными, если не прямо клеветническими. ("Святое Евангелие, - говорит по этому поводу св. Игнатий (Брянчанинов), - следующими чертами изображает воззрение Господа на современный ему народ иудейский: *Видев же народы, милосердова о них, яко бяху смятени и отвержени,*

яко овцы, не имущия пастыря (Мф. 9, 36). Если бы услышали это тогдашние духовные учителя иудейские, напыщенные ученостию своею и самым отчетливым знанием Закона, самым тщательным преподаванием его народу, что сказали бы они? Клевета, клевета! - воскликнули бы они в один голос. Так заставила бы их выразиться слепота их"[\[76\]](#).)

Но предсказанная катастрофа не заставила себя долго ждать: грянула революция, разрушившая весь, как казалось, несокрушимый строй Российской Церкви. "Давнишнее и все углублявшееся многообразное отступление народа от пути Божия должно было вызвать кару Божию, может быть, для спасения от гибели того, что могло быть спасено чрез очистительный огонь испытания"[\[77\]](#). В этом смысле революция была "хирургическим" вмешательством свыше с целью спасения остатка верных, дабы *подвергшись суду по человеку плотию, жили по Богу духом* (1 Пет. 4, 6). И состарившаяся и обессилевшая Русская Церковь, словно собрав свои последние силы, стала Церковью мучеников.

Сейчас Русская Церковь словно на перепутье. Господь словно бы дает нам еще один шанс, терпеливо ожидая нашего окончательного духовного самоопределения. Но будет ли этот шанс использован? Будет ли усвоен урок минувшего трагического столетия? Или же грозное предупреждение, произнесенное в середине "благополучного" XIX в. и не замедлившее вскоре свершиться, вновь станет суровой реальностью: "Здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро"?

Впрочем, святитель Игнатий (Брянчанинов) предвидел для России возможность и другого, еще более страшного бедствия. Он предсказывал ей необыкновенное государственно-политическое могущество, благодаря которому она в конце концов возобладает над всем миром... Но это будет только земное, а не духовное могущество - могущество без Христа, вопреки Его воле. При этом русское церковное здание сможет не только устоять, но и достичь небывалого земного величия. Однако сама Церковь Христова уже покинет его. "Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль предвещает их и ясно обнаруживает, что народ <наш> может и должен соделаться орудием гения из гениев, который наконец осуществит мысль о всемирной монархии, о исполнении которой уже многие пытались"[\[78\]](#).

+ + +

Угрозы Божии, как и Его обетования, не исключают человеческой свободы. Напротив, именно ею в конечном счете и обусловлено, останется ли предреченное лишь грозным предупреждением или же претворится в самую трагическую реальность. *И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедовал, говоря: еще сорок дней и Ниневия будет разрушена! И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во ветоища, от большого из них до малого <...> Тогда сказал Господь: <...> Мне ли не пожалеть Ниневии...* (Иона 3, 4-5; 4, 10-11). - В этом источник надежды.

[\[1\]](#) См., например: *св. Иоанн Златоуст. Беседы о диаволе II 4.*

[2] В настоящее время причислен к сонму Новомучеников Российских.

[3] М. А. Новоселов. Письма к друзьям. М., 1994. С. 65.

[4] Там же. С. 68.

[5] Там же. С. 69.

[6] Там же. С. 80-104.

[7] Св. Серафиму принадлежат такие слова: "Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, не монахи, а черные головешки!" (см.: *Митрополит Вениамин (Федченков)*. Всемирный светильник. Преподобный Серафим Саровский. М., 2003. С. 170).

[8] См.: *Преподобный Серафим Саровский Чудотворец*. Духовные наставления мирянам и инокам. О цели христианской жизни: беседа с Н. А. Мотовиловым. М., 1997. С. 61-62.

[9] Там же. С. 73.

[10] Там же. С. 73.

[11] Ср.: "Камни святилища раскиданы по всем перекресткам" (Плач. 4, 1).

[12] Письма митрополита Филарета епископу Иннокентию (Сельно-Кринову). Письмо 55, январь 1828 // Прибавления к изданию святых отцов. Ч. 24. М., 1871. С. 483.

[13] Ср.: "Ибо время начаться суду с дома Божия" (1 Пет. 4, 17).

[14] Письмо 137, 13 марта 1829 // Прибавления ... Ч. 25. М., 1872. С. 210.

[15] Письмо 73, 28 февраля 1828 // Там же. С. 14.

[16] Цит. по: *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Т. 2. Приложения. Письмо 249. С. 250.

[17] М. А. Новоселов в оправдание столь "пессимистического" взгляда замечал, что святитель Игнатий, конечно же, видел, что среди его современников встречаются истинные благодатные подвижники, однако он не обольщался этими "единицами", а, проникая своим духовным взором в глубинные настроения современного общества, "зрел попущенное Богом отступление и не питал себя радужными надеждами". К тому же, "те самые люди, носившие на себе печать "избранничества", которые своим существованием как будто опровергали "пессимизм" еп. Игнатия, не обинуясь, высказывали <...> такие же пессимистические воззрения на судьбы Церкви и русского народа <...> как и еп. Игнатий; только последний высказывался ярче, сильнее, определеннее" (М. А. Новоселов. Письма к друзьям. М., 1994. С. 102).

[18] Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского. Составитель игумен Марк (Лозинский). М.-СПб., 1995. С. 576.

[19] Там же. С. 771.

[20] Там же. С. 741.

[21] Там же. С. 576.

[22] М. А. Новоселов. Письма к друзьям. М., 1994. С. 101.

[23] Там же. С. 741.

[24] Там же. С. 113.

[25] В составленном учениками Святителя его жизнеописании приведен такой случай: 10 ноября 1857 г. епископ Игнатий "в Царском Селе имел счастье откланиваться сначала у государя, потом у государыни особо, на их половинах, при этом императрице угодно было говорить с ним очень серьезно о монастырях вообще и о Сергиевой пустыни в особенности, и она выразила сожаление, что монахи Сергиевой пустыни ведут себя несоответственно своим обетам целомудрия и нестяжательности. Епископ отвечал: "Что прикажете делать, Ваше величество, когда есть дамы, самые высокопоставленные, двора Вашего величества, которые не жалеют никаких денег, чтобы иметь любовника, монаха Сергиевой пустыни". Государыня, закрыв лицо обеими руками, встала и быстрыми шагами ушла во внутренние покои свои" (Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М., 2002. С. 202).

[26] *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви. Записки епископа Игнатия 1862-1866 гг. Калуга, 2003. С. 20-21.

[27] М. А. Новоселов. Письма к друзьям. М., 1994. С. 101.

[28] Цит. по: Соколов Л. А. Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Т. 2. Приложения. Письмо 240. С. 244.

[29] Там же. Письмо 242. С. 246.

[30] Там же. Письмо 228. С. 237.

[31] Собрание писем... С. 133-134.

[32] О необходимости Собора... С. 12.

[33] Там же. С. 15.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 17.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 24-25.

[38] Там же. С. 18-19.

[39] Там же. С. 19.

[40] Там же. С. 21.

[41] Там же. С. 21-22.

[42] *Епископ Феофан*. О православии. 2-е изд. 1902. С. 84.

[43] *Епископ Феофан*. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. Изд. 4. М., 1904. С. 187.

[44] Там же. С. 188.

- [45] Там же. С. 425-426.
- [46] Там же. С. 427.
- [47] Там же. С. 428.
- [48] Цит. по: *Прот. Георгий Флоровский*. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 397.
- [49] Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. I. Письма к мирянам. М., 1995. С. 16.
- [50] Цит. по: *М. А. Новоселов*. Письма к друзьям. М., 1994. С. 89.
- [51] *Святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Предсмертный дневник. Венок на свежую могилу Кронштадтского Пастыря: проповеди и поучения, произнесенные в последний год жизни. М., 2003. С. 68.
- [52] Там же.
- [53] Там же. С. 70.
- [54] Там же. С. 85.
- [55] Цит. по: *М. А. Новоселов*. Письма... С. 89.
- [56] *Преподобный Никон Оптинский (Беляев)*. Дневник 1907-1910 гг. Калуга, 2002. С. 25.
- [57] *Митрополит Вениамин (Федченков)*. Письма о монашестве. М., 2003. С. 68-69.
- [58] Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский) - А. З.
- [59] Там же. С. 69.
- [60] Там же. С. 70.
- [61] Там же. С. 71.
- [62] Там же.
- [63] Там же. С. 67.
- [64] Там же. С. 76-77.
- [65] Там же. С. 77.
- [66] Там же. С. 67.
- [67] С этим выводом перекликаются суждения другого русского архиерея XX в. святителя Луки (Войно-Ясенецкого): "Тяжкие испытания и страдания перенесла Церковь наша за время Великой революции, конечно, не без вины. Давно, давно накопился гнев народный на священников корыстолюбивых, пьяных и развратных, которых, к стыду нашему, было немало. И с отчаянием видим мы, что многих, многих таких и революция ничему не научила. По прежнему и даже хуже прежнего являют они грязное лицо наемников - не пастырей, по прежнему из-за них уходят люди в секты на погибель себе..." (Указы святителя Луки // *Протоиерей Василий Марущак*. Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 1997. С. 142).

[68] Там же. С. 78.

[69] *Протоиерей Иоанн Журавский. Тайна Царствия Божия или забытый путь истинного богопознания.* СПб., 2001. С. 30.

[70] Там же. С. 31.

[71] Там же. С. 204.

[72] Там же. С. 52.

[73] Там же. С. 34.

[74] Там же. С. 35.

[75] Там же.

[76] *Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма о подвижнической жизни.* Париж-Москва, 1995. С. 27.

[77] *М. А. Новоселов. Письма к друзьям.* М., 1994. С. 69.

[78] *Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма...* С. 27.

<http://kiev-orthodox.org/site/personalities/1422/>